

СИНТАГМАТИКА АКТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ И ЕЕ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Т.М. Чирко, Т.М. Ломова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 июня 2008 г.

Аннотация: В работе обсуждается вопрос о синтагматических отношениях между компонентами актуализованного высказывания. С этой целью уточняются представления о природе скрытых категориальных признаков, управляющих сочленением актуальных смыслов, и вводится понятие лексико-синтаксической парадигмы.

Ключевые слова: валентность, синтагматические отношения, лексико-синтаксическая парадигма.

Abstract: The paper discusses syntagmatic relations between the constituents of a sentence as a unit of speech. With this aim in view the authors seek to elucidate the nature of covert categories which govern the arrangement of actual senses (their compatibility as well as their preferred sequencing) and introduce the concept of a lexico-syntactic paradigm.

Key words: valency, syntagmatic relations, lexico-syntactic paradigm

Учение о валентности как о синтаксическом потенциале слова, заключающемся в его лексическом значении, оказало существенное влияние на современную грамматическую теорию. Продемонстрировав, что синтаксическая структура есть в определенной мере рефлексия лексического значения, эта теория стимулировала процесс лексикализации грамматики, в первую очередь, синтаксиса. По авторитетному мнению Е.С.Кубряковой [4] наиболее плодотворным в рамках указанной тенденции является путь поисков корреляций между функционально-синтаксическими позициями и семантическими разрядами слов, способных замещать эти позиции в предложении.

В своей работе, посвященной проблеме валентности слов и словоформ [5], И.П.Распопов изложил программу исследований в этом направлении. Справедливо полагая, что сочетательные потенции слов (точнее, их словоформ) производны от их потребности получить функциональную определенность в качестве членов замкнутого синтаксического ряда, И.П.Распопов предлагал рассматривать эти потенции сквозь призму функционально-синтаксических позиционных свойств. Назвав способность словесной формы предопределять функционально-синтаксические позиции для дру-

гих словесных форм синтаксической проекцией, ученый сформулировал задачу, стоящую перед синтаксисом, как последовательное исчисление позиционно-проективных свойств отдельных классов слов (частей речи), отдельных их подклассов (лексико-семантических разрядов) и, наконец, отдельных классов словоформ.

Включение в аппарат синтаксической науки понятия лексико-семантического разряда означало признание внутренней формальности слова и необходимости анализа лексических значений с целью выявления скрытых в них категориальных семантических признаков, управляющих сочетаемостью словоформ в рамках синтаксического целого. Поскольку к тому моменту для многих, если не для всех, синтаксистов стала очевидной особая моделиобразующая роль глаголов, в центре внимания оказались проективные характеристики именно глагольной лексики. Отечественные и зарубежные исследователи проделали большую работу по выделению категориальных признаков в составе глагольных значений (статальность и акциональность, фактитивность и каузативность, предельность, итеративность и мн. др.), а также по описанию синтаксического поведения соответствующих разрядов глаголов. Параллельно выявлялись семантико-функциональные категории именных актантов и иных спутников того или иного типа глаголов

в предложении. Изучая валентность предикативного признака и скрытые категории заполнителей его «гнезд», исследователи стремились определить закономерности «внутреннего сочленения лексических значений», лишь частично воспроизводимого сочленением внешних форм [3]. «Лексические вхождения», т. е. классы лексем, занимающих места в предикате и актантах, были признаны важнейшим параметром в типологии предложений [6]. Было установлено, что регулярное употребление лексики, не изосемичной синтаксической структуре, способно изменить собственную семантику последней [1].

Представляется вполне естественным, что синтаксис предложения как системной единицы языка ограничивается выявлением сочетательного потенциала именно разрядов слов и словоформ и не обращается к отдельным членам этих разрядов — индивидуальным лексемам. Ведь переступая эту черту, исследователь попадает в зону синтаксиса речевой единицы — высказывания, которое строится по типовой модели, но называет конкретную ситуацию действительности и поэтому получает конкретное лексическое наполнение. Синтаксис высказывания по определению должен быть лексически ориентированным. Его предмет — лексическая репрезентация функционально-семантических звеньев высказываний и комбинаторика соответствующих репрезентантов. При этом синтаксис имеет дело не просто со словом в одном из своих значений и одной грамматической форме, но со словом, получившим ранг в иерархии синтаксических отношений и прошедшим через механизмы актуализации, т. е. привязки к референту и коммуникативной ситуации. Другими словами, исследователь работает не с лексическими значениями системных единиц, а с актуальными смыслами компонентов высказывания, из которых в результате их взаимодействия складывается смысл целого высказывания. Роль организующего и связующего звена выполняет, разумеется, предикативный компонент, ибо именно «через сказуемое (не важно, глагольное оно или именное) обнаруживается точка зрения говорящего, место субъекта речи по отношению к изображаемой действительности» [2, 156]. Лексические значения предикативных слов наилучшим образом подготовлены языком к этой роли, поскольку они «принципиально интенциональны в том смысле, что в них просматривается ориентированность на реализацию коммуникативных задач» [4, 263].

Как показывает наше исследование, номинация других компонентов высказывания — «актантов»

и «ситуантов» — совершается с ориентацией на смысл сказуемого не только по законам семантического согласования, но также с учетом различных аспектов конситуации. Указанные факторы формируют содержательную категорию, ограничивающую круг актуальных смыслов и средств их номинации в определенной функционально-синтаксической позиции. Соответствие данной содержательной категории, с одной стороны, позволяет слову или словесному комплексу войти в единую лексико-синтаксическую парадигму с другими ее репрезентантами, а с другой стороны, обеспечивает ему право на вхождение в синтагму со словом или словесным комплексом, представляющим в высказывании его предикативный компонент.

Порождение высказывания есть синтез его актуального смысла, что определяет синкретизм последнего, т. е. сопряженность актуальных смыслов его компонентов, каждый из которых может быть квалифицирован лишь через связь с другими. Так, актуальный смысл предикативного компонента необходимо определять через его отношение к другим компонентам высказывания (субъектного, объектного, адвербиального), а актуальный смысл любого из этих компонентов — через отношение к предикативному.

Проиллюстрируем изложенное выше с помощью английских высказываний с глагольными и именными сказуемыми бытийной семантики. С позиций синтаксиса предложения (семантического синтаксиса) характеристика проективных свойств таких предикатов не представляет особого интереса, поскольку широкая семантическая категория бытия предполагает лишь столь же широкую категорию бытующего объекта. Следовательно, в позиции субъекта к бытийному глаголу мы можем ожидать и употреблять именные фразы с любыми значениями. Однако анализ корпуса показывает, что это далеко не так.

Возьмем глагольное сказуемое **persist**, словарное значение которого раскладывается на сему бытия и сему фазы: ‘продолжать существовать’. В зависимости от значения субстантива в субъектной позиции его русские переводные соответствия широко варьируются: ‘держаться’, ‘сохраняться’, ‘продолжаться’, ‘не проходить’, ‘не прекращаться’ и др. Среди лексических репрезентантов субъекта мы обнаруживаем существительные-универбы: **pain** ‘боль’, **stain** ‘пятно’, **odour** ‘неприятный, тяжелый запах’, **raids** ‘нападения’, **intolerance** ‘нетерпимость’ и др., именные сочетания различной степени слитности: **high fever** ‘высокая темпера-

тура', **soil erosion** 'эрозия почвы', **low standards of life** 'низкий уровень жизни', **sexual segregation** 'сегрегация по признаку пола', и др., а также широкий спектр отвлеченных существительных с изъяснительными придаточными: **notion, idea, view, feeling, assumption, theory**, и др. ('мысль', 'идея', 'мнение', 'представление', 'теория' и т. д.) Как видим, на строго семантических основаниях лексические репрезентанты субъекта при **persist** не образуют лексико-семантического разряда, особенно если рассматривать значения существительных, называющих ментальные объекты (как раз явно составляющие системную группировку) без учета смыслов изъяснительных придаточных. Стоит, однако, включить содержание изъяснительного распространения в актуальный смысл именной фразы в целом, как все репрезентанты субъектной позиции при глагольном сказуемом **persist** выстраиваются в единый ряд с интегральным признаком 'нечто плохое, нежелательное, неодобряемое людьми'. Дело в том, что во всех придаточных формулируются скомпрометировавшие себя представления о различных жизненных явлениях — стереотипы, которые в современном мире оцениваются как заслуживающие осуждения. Ср.: *...the earth is flat* '...земля плоская', *...you can rely on the state for everything* '...во всем можно положиться на государство', *...doctors are infallible* '...врачи не ошибаются', *...all sports players are stupid* '...все спортсмены глупы', *...men are more intelligent than women* '...мужчины умнее женщин', *...politics are not a place for women* '...политика — не место для женщин' и т. п.

Указанного признака, однако, недостаточно для того, чтобы однозначно квалифицировать содержательную категорию, формирующую лексико-синтаксическую парадигму репрезентантов субъектного звена. Для такой квалификации необходимо соотнести данный признак с семантикой предикативного члена и подчиненного ему адвербиального компонента — обстоятельства уступки, структурно не обязательного, но коммуникативно значимого. Поскольку в содержательном плане репрезентанты обстоятельственного звена тоже представляют собой единый парадигматический ряд (в большинстве случаев они говорят о мерах, попытках, усилиях и т. д., предпринимаемых человеком для устранения нежелательного явления), то полностью категория, лежащая в основе субъектной парадигмы при **persist**, должна быть охарактеризована следующим образом: 'нечто нежелательное и неодобряемое, что продолжает существовать,

несмотря на предпринимаемые человеком усилия'. Ограниченная таким образом область актуальных смыслов исключает достаточно большой круг субстантивных значений, которые указывают на нежелательные, но неподконтрольные человеку или неконтролируемые им явления. Например, если слово **инфляция** может занять законное место в описываемой здесь парадигме, то слово **реклама** в нее не войдет. Это явление, вызывающее досаду у многих вынужденных ее пользователей, в сознании социума в целом не связано с какой-либо деятельностью по борьбе с ней. Членство в субъектной парадигме получают, однако, **холода** и **дожди**, видимо потому, что существует ведомство, которое может «обещать» и даже «гарантировать» нам хорошую погоду. Ср.: *Despite the Weather Center forecast, the cold persists*. 'Мороз держится, несмотря на прогноз Метеорологического центра'.

Иную категорию субъектов формирует бытийное именование сказуемое **be available**, словарный эквивалент которого — 'быть, иметься в наличии'. Чтобы войти в соответствующую лексико-синтаксическую парадигму, слово или словесный комплекс должны называть нечто желательное или необходимое для кого-либо, что имеется где-то и может быть получено или приобретено. Ср.: *Is the new timetable available yet?* 'Новое расписание уже есть?' — *Details of the competition are available from our head office*. 'Подробности можно узнать в нашем головном офисе'. В качестве языкового классификатора данной категории выступает существительное **opportunity** 'возможность'. В различных коммуникативных обстоятельствах необходимыми или желательными оказываются самые разные, но, как правило, ограниченные ресурсы: денежные средства (**money, subsidies, funds, allowance**, и др.), информация (**information, data, evidence, figures, statistics, archives, records**, и др.), место для парковки (**room for parking, a parking lot**), гостиничные номера (**rooms with sea views, singles**), билеты на транспорт или представление (**tickets, seats**), специалисты (**coaches, a solicitor, a woman doctor**) и т. д. Необходимыми эти ресурсы являются для определенного круга участников коммуникативного события: *grants... to students with high grades* 'гранты... студентам с высокими оценками', *brushes for the artists* 'кисти для художников', *trekking for experienced riders* 'дорожки для опытных наездников', *magnifiers for partially sighted people* 'увеличительные стекла для людей с ослабленным зрением'. Впрочем, адресаты сообщений об имеющихся возможностях, как правило, очевидны из

контекста и/или ситуации: *A bar is available*. 'К вашим услугам имеется бар'.

Как видим, и в случае с **persist**, и в случае с **be available** сформулированные нами категории лексических репрезентантов субъектной позиции связаны с коммуникативно-прагматическим аспектом высказывания. Признаки 'желательное — нежелательное', 'необходимое — ненужное', 'возможное — невозможное' указывают на зависимость актуальных смыслов от модуса высказывания. Другими факторами, участвующими в формировании лексико-синтаксических категорий и выражающих эти категории парадигм, являются различные виды пресуппозиций говорящего, а также разнообразные дискурсивные функции и режимы.

Даже «самый бытийный» из всех бытийных глаголов — глагол **exist** 'существовать, быть' открывает свою субъектную позицию не для любых субстантивов, демонстрируя определенные сочетательные предпочтения. Презумпция говорящего, использующего это слово в рематической части высказывания, состоит в том, что реальность существования называемого объекта подвергается собеседником или другими оппонентами говорящего сомнению. Одно это исключает из парадигматического ряда огромное число объектов, реальность которых для всех очевидна. Указанная презумпция находит отражение в глаголах пропозиционального отношения типа **верю, убежден, не сомневаюсь, утверждаю** и пр. Среди типичных представителей данной лексико-синтаксической парадигмы мы находим не только и не столько вполне ожидаемые ментальные конструкты: Бог, неопознанные летающие объекты, привидения и т. п., но и такие важные для людей «вещи», как проблемы **problem, difficulties, risk, threat, danger, hazards, barriers**, и др. и (возможности их решения **solution, remedy, cure, method, mechanism, procedure, conditions**, и др.). Условия когнитивного поиска предопределяют коммуникативную значимость таких разрядов субъектов бытия, как сходства и различия между наблюдаемыми явлениями, а также отношения и связи между ними **similarities, correspondences, differences, gaps, contrast, contradiction, conflict, rapport, relationship, connection, links, association**, и др.

Именные сказуемые **be missing** и **be lacking**, имеющие общие соответствия в русском языке 'отсутствовать, недоставать', демонстрируют совершенно разные предпочтения в отношении своих субъектов, что обусловлено наличием или отсутствием у говорящего пресуппозиции существо-

вания называемого объекта. Носители языка обращаются к сказуемому **be missing** в тех случаях, когда они констатируют отсутствие ранее имевшегося объекта, а к сказуемому **be lacking** — когда они выражают сожаление по поводу того, что его не существует. Ср.: *Some of the puzzle pieces are missing*. 'Несколько элементов мозаики нет'. — *Three buttons were missing from his shirt*. 'На его рубашке недоставало трех пуговиц'. vs. *Research on such phenomena is nearly lacking*. 'Исследований подобных явлений почти не существует'. — *The capital necessary to support an independent press is lacking*. 'Средств, необходимых для поддержки независимой прессы, не имеется'.

Наконец, еще один пример — синонимичные глаголы **happen** и **occur** (происходить, случаться). Субъектами обоих глагольных сказуемых, казалось бы, должны быть событийные имена. Однако в данной позиции к **happen** даже существительные с общесобытийной семантикой встречаются нечасто, а конкретнособытийные имена практически отсутствуют. Подавляющая масса субъектов при **happen** — дейктические номинации. Между тем для **occur** картина кардинально иная: подлежащее при нем фактически всегда полнозначное имя. Фактор, определяющий в данном случае выбор наименований — особенности дискурса, в котором используются данные единицы.

Узуальная специфика **happen** наиболее ярко проявляет себя в контекстах, типичных для этого глагола и одновременно исключающих употребление его синонима. Имеются в виду прежде всего вопросительные высказывания с субъектом *what*: *What's happening?* 'Что происходит?' — *What's happened?* 'Что произошло?' и т. п., а также примыкающие к ним предложения с неопределенными местоимениями: *Something's happened there*. 'Там что-то произошло'. — *Has anything happened to you?* 'С тобой что-то случилось?' Как те, так и другие составляют неотъемлемую часть дейктического дискурса: в режиме актуального взаимодействия в момент речи говорящий не является держателем готовой информации — он добывает ее в процессе общения с собеседником. В семантической формуле высказываний с **happen** имя события является неизвестной величиной. Запрос информации основан на некоторых фактических знаниях говорящего об интересующем его положении дел, полученных, как правило, в результате непосредственного наблюдения. Элементы известной информации эксплицируются в контексте вопросами второго плана, которые либо выясняют недостающие детали события, мотивы и

цели его участников: *What's happening? Who are all these people?* 'Что здесь происходит? Кто все эти люди?' — *Why are you crying? What's happened?* 'Почему ты плачешь? Что случилось?', либо содержат предположения о сути происходящего: *What's happening? Are they moving house?* 'Что происходит? Они переезжают?' Дейктические субъекты при **happen** имеют референтную отнесенность к событиям, но сами их не называют. Номинация осуществляется в предшествующих (или последующих) высказываниях, представляющих кванты событийного потока как конкретные процессы и действия, характеризующие конкретными же участниками и обстоятельствами.

Глагол **occur** в своем специфическом употреблении — характерная черта экспозитарного дискурса, который призван описывать результаты когнитивных усилий людей, направленных на учет всего сущего в мире и выявление закономерностей бытия. В значении этой лексемы скрыт признак явленности бытующих объектов органам чувств и сознанию человека. Этот признак диктует употребление в субъектной позиции только имен, имеющих сигнификат, в котором закреплены важнейшие с точки зрения носителей языка признаки одноименного класса. **Occur** ставит события в один ряд с «несобытиями», делая их все явлениями — сущностями, познанными в достаточной степени, чтобы получить имя. Субъекты глагола **occur** — названия любых явлений, включаемых людьми в число «сущего и пребывающего»: материальные объекты, свойства и отношения, состояния и процессы, действия и события. Ср.: *Salt occurs naturally in sea water.* 'В природных условиях соль встречается в морской воде'. — *Racism and sexism occur in all institutions.* 'Расизм и сегрегация по полу

есть в любых учреждениях'. — *Epidemics of cholera occur in the southern regions.* 'Эпидемии холеры случаются в южных районах'. — *Storms occur in this part of the ocean in winter.* 'В этой части океана штормы происходят зимой'.

Итак, слова и словесные комплексы, репрезентирующие то или иное функционально-семантическое звено в высказывании, составляют лексико-синтаксическую парадигму. В основе такой парадигмы лежит содержательная категория, предопределяемая не только семантикой проецирующего данную позицию сказуемого, но и такими прагматическими параметрами, как пресуппозиции говорящего субъекта, модус высказывания и дискурсивные условия его порождения. Выявляя категории репрезентантов отдельных функционально-синтаксических позиций, лексически ориентированный синтаксис высказывания тем самым устанавливает скрытые семантические признаки, управляющие сочетаемостью компонентов высказывания, определяет основания для объединения их в синтагматическом ряду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты простого русского предложения. — Воронеж, 1999. — 196 с.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, 1972. — 216 с.
4. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения // Кубрякова Е.С. Язык и знание. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 555 с.
5. Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. — Ростов-на-Дону: РГУ, 1981.
6. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. — М., 1989.

Воронежский государственный университет
Т.М. Чирко, кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии
michirko@yandex.ru

Т.М. Ломова, кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации
тел. 75-44-07

Voronezh State University
T.M. Chirko, candidate of Philological Science, Docent,
English Philology Department
michirko@yandex.ru
T.M. Lomova, candidate of Philological Science,
Docent, Department of Theory of Translation and
Intercultural Communication
tel. 75-44-07